

УДК 009(304.5)

Капицын В.М.

Символьные комплексы: роль в институционализации и легитимации национальных интересов

Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kapizin@yandex.ru

Автор рассматривает влияние символической политики на закрепление в сознании людей символов национальных интересов, формирование символических комплексов – совокупностей означающих идеально-смысловых конструкций, поддерживающих смысловую целостность интересов, стремлений, деятельности в сообществе (государстве)

Ключевые слова: национальные интересы, жизнесферные ценности, символическая политика, символические комплексы, институты символизации, государственные символы.

Актуальность символического в идеологии и политике

Роль символического в обществе давно занимала умы мыслителей. Неистребимо стремление людей к символизации всего, что важно для духовной жизни, идеологии и политики. В античных полисах возникло учение Платона о мире идей, родилась древнегреческая трагедия, положившая начало героизации достойного гражданина средствами литературы и театра. В христианстве сложился Никео-Цареградский символ веры (Троица) – наиболее известный символический комплекс, возвышающий духовную гармонию. Различия в его толковании повлияло на религиозные расколы, сопровождало национальные размежевания.

Концентрированный интерес к роли символов в обществе сформировался в немецкой философии и эстетике (Г.В. Лейбниц, А. Баумгартен, Г. Лессинг). И. Кант доказывал, что искусство носит символический характер. В XX в. Э. Кассирер отнес к «символическим формам» язык, миф, религию, искусство и науку, с помощью которых человек упорядочивает окружающий его хаос. Значительный вклад в исследование знаков и символов внесли Р. Барт, Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, У. Эко, Вяч. Вс. Иванов, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Р. О. Якобсон, В. В. Ильин и др.

Ныне изучение символического актуализируется потребностями государственной политики, когда всё больше возрастают объёмы информации, усложняются практики человеческого общения, а СМИ, Интернет и другие ИТ оказывают мощное воздействие на сознание и поведение людей.

Символьные комплексы – важный компонент «мягкой силы» (несилового потенциала) в современной внутренней и международной политике, что также становится объектом внимания исследователей, ожиданий политиков и идеологов. При обращении к изучению символов открываются, по крайней мере, два взаимосвязанных, но относительно самостоятельных аспекта: гносеологический и идейно-политический. Нас интересует в основном идейно-политический аспект влияния символических комплексов.

Рабочие гипотезы данной статьи: 1) в идеологии и политике ряд подсистем использует символические комплексы, обретающие смысловые коннотации, ориентирующие на единение «своих» (интеграцию, консолидацию), а также обозначение «чужих»; 2) символические комплексы являются многоуровневыми, включают знаки повседневности и символы более высоких уровней, вплоть до национальных; 3) позитивные символические комплексы, ориентирующие на интеграцию «своих» (граждан и соотечественников), способствуют институционализации и легитимации национальных интересов.

К истории вопроса о символах национальных интересов

Как проявлялась связь символов и общих интересов тех или иных народов? Для ряда государств преодоление феодализма шло так, что общие интересы осознавались сначала как государственные, а потом как национальные. Становление территориальных государств ограничивало влияние сеньориальных, городских, сословных, религиозных символов в пользу государственных. В Европе такой процесс обозначился в XV в. Если в раннем средневековье совершался переход от семейной и общинно-родовой символики к династической, а от династической к монархической, то в позднее средневековье – от монархической к государственной и национальной¹.

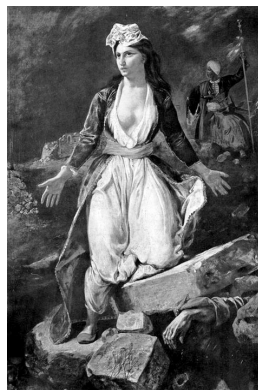
¹ См.: Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб: Александрия, 2012. С. 280.

В Испании, Франции, Англии ранее, чем в других странах, формировались предпосылки государственных интересов. Выражение «государственный интерес», по мнению Ф. Броделя, впервые появилось в тексте проповеди кардинала делла Каза, обращенной к Карлу V; речь шла о взятии Мантуи в 1552 г. Это понятие отражало «переход для Запада политической формы королевства к современной монархии юристов»¹. Сложился аппарат должностных лиц при короле, государственных администраторов, легистов; оформился взаимовыгодный союз монарха и городов для ограничения власти духовных и светских сеньоров. В укреплении централизованной монархии во Франции символом государственных интересов послужила осада крепости Ла Рошель (1620-е гг.). Управляющий крепостью герцог Анри де Роан пытался при поддержке Англии и Испании обострить разногласия католиков и гугенотов и ослабить власть короля Людовика XIII. Осада крепости окончилась успешно, что укрепило авторитет монарха².

В странах, где освобождение от господства иноземцев и объединение было ведущей задачей, общие интересы институционализировались и легитимировались сначала как национальные (Италия, Нидерланды, Германия, Польша, Греция), а потом как государственные. Н. Макиавелли наиболее ярко рисует потребность в символах национальных интересов, взывая к Цезарю Борджиа как потенциальному «мощному Освободителю» земель Италии. Для этого использовались образы Моисея, Кира, Тезея, ставшие символами единства народа. После перечисления добродетелей героев Макиавелли призывает к подвигу избранника, который излечит раны Италии: «Без отдыха, без остановки Италия молит небо, чтобы оно ниспослало ей, наконец, этого Освободителя, который бы избавил её от жестокостей и наглости варваров. <...> На это дело Вас зовёт голос целого народа, а при таком единодушии – успех не заставит себя ждать»³. Много позднее король Виктор-Эммануил II и Гарибальди стимулировали движение к свободной и единой Италии и сами стали символами, реализуя задачи, обозначенные Макиавелли.

Аллегория Польши, сидящей закованной на классических развалинах, которую стараются освободить юноши. Художник А. Гротгер. 1863

Греция на развалинах Миссолунги. Художник Э. Делакруа. 1826

Аллегория Германии. Художник Ф. Фейт. 1834–1836

Джузеппе Гарибальди и генерал Джакомо Медичи с королем Виктором Эммануилом II. Художник Дж. Индуно. 1870-е гг. Фрагмент

Это серьезно затрагивало отношения политики, науки, мифа, религии. Ренессанс и Реформация подрывали практически-регулятивную роль теологии, однако наука не смогла полностью вытеснить миф и теологию из познания политики и права (свести к профаническому и позитивистскому рассмотрению). Миф и религия стали востребованы для символического обоснования национальных интересов. Народы продвигались в направлении национализации (регионализации) сакральной вертикали⁴. Придавалась национальная и региональная окраска единым ранее религиозным ценностям (англиканская церковь в Англии, лютеранство в землях Германии и Скандинавии, кальвинизм и цвинглианство в областях Швейцарии, самостоятельный национальный кардинал католиков Франции). Сохранялось господство католичества в Южной («римской») Европе, Баварии, Польше и Литве. Ф. Бродель так характеризовал Реформацию: «Старая Европа, более приверженная прежним религиозным традициям, связывающим её с Римом, сумела сохранить былые связи, тогда как новая Европа, более молодая, менее однородная, менее приверженная церковной иерархии, пошла на разрыв. Здесь уже угадывается реакция с национальным оттенком»⁵.

Народы, а прежде всего, господствующие группы (элиты), вольно или невольно включаясь в исторический процесс, обращались к поиску национальной идентичности, включая обоснование территориальных, этнонациональных, конфессиональных, экономических притязаний. Утверждалась идеология своеобразия, исторической преемственности, активизировался поиск легитимации границ (национальной территории), национальной демографической статистики, культуры и веры, «своих» героев, позитивного образа народа, экономической конкурентности торговых и промышленных институтов.

Модель институционализации и легитимации общих интересов обуславливалась также путём выгодного встраивания в торговые и военные международные отношения. Продвинутое в плане имперского, государ-

¹ Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. С. 319.

² Каневский П.С. «...Для порядков и правления государства». Комментарий к политическому завещанию кардинала герцога де Ришелье // Пространство и Время. 2012. № 4(10). С. 218.

³ Макиавелли Н. Государь. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 265, 267.

⁴ См.: Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблема «переводимости» политического сознания // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 85.

⁵ Бродель Ф. Указ. соч. С. 345.

ственного, а затем и национального самоопределения, европейские государства стали «локомотивами» колонизации (Испания, Португалия, Англия, Голландия, Франция). Некоторые государственные образования, раздираемые экономическими и политическими междоусобицами, долго оказывались не способными найти символы, способствующие объединению интересов элит и народа, обозначению государственных интересов, а значит, и встраиванию в международные отношения (Италия, Польша, Германия).

Роль символического обеспечения не уменьшалась, когда государственные и национальные интересы переплетались (национально-государственные интересы). Преуспевающие в экономике, торговле, войнах государства, оттесняя Испанию и Португалию, боролись за передел мира (Голландия, Англия, Франция, Бельгия, Россия, Австро-Венгрия, позднее Германия и США). Колониализм и неоколониализм, распад империй, образование социалистической державы, поднявшей символы интернационализма, экономическое соревнование и идеологическая борьба мировой капиталистической и социалистической систем, затем технологическое и управленческое лидерство США, Японии, позднее Европейского Союза, Кореи (особенно в инновационных отраслях) сопровождалось формированием новых символических комплексов. Приобрели влияние символы космополитизма, подрывавшие функционирование национально-государственных интересов. Распад системы социализма и развал СССР создали международные, региональные, внутривнутриполитические ситуации, породившие новые проблемы символотворчества.

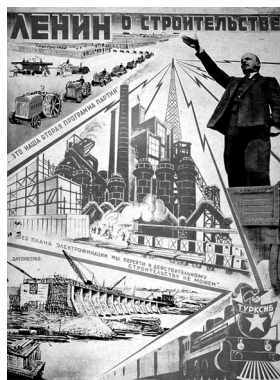
Символогенез и символическая политика

Что представляют собой символы? Можно толковать символ расширительно как принимаемые индивидом или группой религиозные, морально-политические, идеологические святыни, идеи, идеалы, принципы, ценности¹. «Что привносит символическое?» – спрашивает В.В. Ильин и отвечает: «Возможность следовать на небеса, куда за героями, праведниками, блаженными устремлён Homo symbolicum, приобщённый к эталонным символическим формам»².

Символы возникают при усилении знаков, за которыми стоят смыслы (идеи, мифы) и образы (герои и злодеи). Усиление идёт в идеологическом и моральном плане – по высоте идеала, в техническом и методическом плане – за счёт объёма и частоты демонстрации, наглядности, динамики стереотипизации. По своему составу символ – совокупность знаковых, смысловых и вспомогательных элементов. Он включает: а) образ, переходящий в усиливающийся знак, в том числе, благодаря повторению действий (обряд, церемония, ритуал), а в тексте – метафорам и другим выразительным средствам; б) идею (миф) о смысле и ценностной основе, дающих знаку «духотподъёмную силу» (В.В. Ильин); в) носителей образа (материальных, субстанциональных, лингвистических, визуальных, ментальных). Играют свою роль социокультурный контекст и трансляторы символов.

Символы национальных интересов – социальные конструкции, способствующие консолидации, ориентирующие значительное число соотечественников на принятие национально-государственных ценностей в качестве общих, мотивирующих социальные группы на поддержание внутренней и внешней безопасности, на приоритет национальных интересов по отношению к инациональным.

Институционализация и легитимация национальных интересов означает: а) формирование принципов и норм; б) гласный поиск (дискурс) «общественного договора», представляющего социальные компромиссы на основе сочетания общественных и партикулярных (индивидуальных, корпоративных, этнических, региональных) интересов; в) символотворчество: интерпретацию, выстраивающую комплексы универсальных, национальных и локальных знаков (символов), возвышающих и соединяющих международную и внутривнутриполитическую состоятельность государства. Немалое значение имеет тиражирование образов воина (освободителя), судьи (проводника справедливости), президента (гаранта конституции), общего дела, воплощённого в национально-государственном успехе (запуск мощной ГЭС, удачный запуск космического корабля, испытание боевой ракеты, проведение Олимпиады, победа в международном соревновании). В последние годы российское общество с надеждой и нетерпением ждёт появления знаков (символов) успешной системной борьбы с коррупцией чиновников, принимающей все позитивные национальные символы.

Советский плакат 1930 г. Неизвестный художник. Фрагмент

Плакат художников Владимира и Ирины Каленских. 1961

«Я ждал тебя, воин-освободитель». Художник В. Ладягин. 1945

«Воину-освободителю слава!». Художник А. Лемещенко, 1974.

«Гордись, советский человек, ты к звездам путь открыл с Земли». Художник М. Соловьев, 1962

¹ Розов Н.С. Специфика «русской власти», её ментальные структуры, ритуальные практики и институты // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 30.

² Ильин В.В. Теория познания. Символология. Теория символических форм. М.: МГУ, 2013. С. 41.

Особое значение приобретает символическая политика государства как часть культурной политики и политики идентичности. Ф. Бродель, рассматривая основные задачи государства, наряду с монополизацией потенциала насилия и контролем над экономической жизнью, выделяет участие в духовной жизни, считая необходимым «извлечь дополнительную силу из могущественных религиозных ценностей, делая между ними выбор или же уступая им», «надзирать над живыми движениями культуры, зачастую оспаривающими традицию»¹.

Что касается рассмотрения непосредственно символических комплексов, то здесь представляют интерес положения Д. Лукача, применявшего понятия «комплексы представлений», «процессуально изменяющиеся комплексы», характеризующего идеологию, процесс познания, политику². Интересны также положения Э. Лакло и Ш. Муффа («цепи означающих»), С. Жижека («плавающие означающие», «господствующие означающие»), О.А. Кармадонова («символические комплексы»).

Символические комплексы, помогающие придавать «духотворную силу» национально-государственным интересам, складываются как многоуровневые. Так, «нижние» уровни формируются в процессе воспроизводства и восприятия знаков повседневной жизни, в частности, партикулярных и групповых статусных знаков. Далее своё влияние оказывает уровень ценностных кодов в основных жизненных сферах, затем уровень национальных символов-добродетелей, аккумулирующих ценности данного народа, которые коррелируют с национальными интересами. Позитивные символические комплексы включают также влияние элементов высшего уровня институционализации и легитимации – ценностей и норм конституций, официальных и неофициальных национальных символов, государственных символов (герб, гимн, флаг, столица).

При соответствующей политике символические комплексы национальных интересов соединяются с национальной идеей, встраиваются в определённую иерархию (символьную «пирамиду»), воспринимаемую позитивно большинством данной нации (народа). Такое конструирование выражает нацеленность на траекторию позитивного развития общества на основе национальной консолидации.

Как гетерогенные партикулярные статусные знаки с их достижительной направленностью (личный «успех», «карьера») совмещаются с солидаризирующими знаками, символами общих интересов, вплоть до идентификации с национально-государственными интересами? Относительно образования символических комплексов характерно рассуждение Лакло и Муффа о «сгущениях» элементов интерпелляций (социальных, эстетических), когда возникает «относительно гомогенный идеологический дискурс», и при этом «каждая отдельная интерпелляция выступает как символ другой»³. Необходимо ещё сказать о некоторых влияниях, помогающих знакам выстраиваться в символические комплексы с проявлениями иерархии. Во-первых, это – поддерживаемое символической политикой «встречное движение» знаков повседневности «снизу» и символов идеологического дискурса «сверху». Во-вторых, это – воспроизводство представлений, которые порождают институты, упорядочивающие символотворчество, перевод знаков в символы. Б. Андерсон писал об институтах, формирующих «воображаемые сообщества» – географической карте, переписи населения, музеях, школе, газете, книге на государственном языке⁴.

Такие институты генетически представляют результат символогенеза, начинающегося от референтов повседневности – основных жизненных сфер:

1. Территориально-пространственная сфера (территориальность: природа, поселение, пути сообщения). Здесь *географическая карта* влияет на представление местных и общих территориальных интересов, формирует образы разных мест (знаки «малой родины»), конкретизируемые в локальных картах, земельных кадастрах, кадастровых реестрах⁵, изображениях географических объектов, что включается в целостный территориальный образ народа и государства

2. Естественно-антропологическая сфера (телесность: дом, быт, здоровье). В таких аспектах институты *семьи, переписи населения, ЗАГС, регистрации места жительства* фиксируют демографические и этнические пропорции, связь поколений, людей и мест, способствуют интеграции этно-антропологических черт в символические комплексы местных сообществ, гражданской (политической) нации и государства.

3. Духовно-культурная сфера (миф, вера, культы, история, образование). *Музеи, архивы, церковные приходы, школы, газеты, книги, СМИ* оживляют события местной истории и культуры, подвиги героев, помогают сохранять духовные ценности всей нации. Краеведческие музеи поддерживают, как мифы местных общностей, так и исторический нарратив государства в целом⁶.

4. Агентно-профессиональная сфера (агентность: труд, предпринимательство, достижения хозяйства, соревнование). В таком плане для символизации важен институт *достижений народного хозяйства, местные профессиональные праздники*, начиная с ремесел и промыслов и кончая промышленностью, наукой, управлением. В конечном итоге, он поднимает задачу сохранения агентности и профессионализма представителей данной нации и национальной экономики.

Такие сферы формируют местный патриотизм – знаковый комплекс, активизирующий чувства и ценностные ориентации, усиливающий (или ослабляющий) восприятие национальных интересов в контексте повседневной жизни. Они подготавливают, поддерживают символические комплексы, участвующие в институционализации и легитимации национальных интересов, содействуют символической политике государства, артикулируя и агрегируя местные знаки повседневности. Последние переходят в символы с расширенными кругами влияния (национальные сим-

¹ Бродель Ф. Материальная организация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 521–522.

² Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. С. 132–133, 148, 183.

³ Laclau E., Mouffe C. Hegemonie und Radikale Demokratie. Zur Dekonstruktion des Marxismus. Wien, 1998.

⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Плюс, 2001.

⁵ См.: Говорухин Г.Э. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ). Автореф. дисс. ...доктора социологических наук. Хабаровск, 2009. С. 11.

⁶ О деятельности музеев образовательных учреждений. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.school-museum.volgadmin.ru/05/01-02.doc>.

волы): старинный дуб (Эстония), панда (Китай), Альпы (Швейцария) и т.д. Жизнеспферные знаки становятся основой символических комплексов государственных гербов, флагов (сноп злаков, вершина горы, конь, орёл, лев, серп, молот).

Эстонская марка с изображением дуба, выпущенная к 90-летию независимости Республики Эстония (2008)

Герб Словении с изображением горы Триглав и Адриатического моря

Герб Эквадора с изображением вулкана Чимборасо, реки Гуаяс и кондора (утвержден в 1900 г.)

Лев на гербе Норвегии (с 1286 г.)

Веймарская конституция 1919 г. с изображением Имперского герба Германии

В жизненных сферах, помимо партикулярных статусных знаков, формируются и поддерживаются жизнеспферные ценности. В качестве последних выступают в соответствии с вышеназванными сферами: 1. бережение природы, территориальная идентичность (любовь к «малой родине»); 2. любовь и взаимоуважение супругов, поддержка родителей, уважение к старшим, охрана детства, сплочённость земляков; 3. стремление к знанию, гордость за местную и отечественную культуру, почтение к истории малой родины и Отечества, своим святыням; 4. трудолюбие, изобретательность, профессионализм, кооперация.

Все эти ценности стимулируют первичную сетевую солидарность; на них, в свою очередь, опираются системные символы-добродетели¹ – символы солидарности, образующиеся путём приписывания образам народа (нации) позитивных ценностей – гражданственности, патриотизма, доблести, законопослушности, взаимопомощи, соучастия.

Символьная политика объединяет идеи, ценности в идеологии, выступающей как «платформа» для институционализации и легитимации национальных интересов. Символьная политика связывает знаки и ценности разных уровней в символических комплексах, образуя иерархию, восходящую к концепциям национальной истории (национальной безопасности, национальной идеи, Конституции). Артикуляция такой концепции помогает выстраивать иерархию знаков, консолидирующие символические комплексы, вырабатывать идентификационные ресурсы для дистанцирования (сближения) во взаимодействии с универсальными (космополитическими) символами.

Тысячелетие России. Скульпторы М. Микешин, И. Шредер, архитектор В. Гартман. 1862, Великий Новгород

Примером могут служить скульптурные и архитектурные комплексы, гербы государств, праздники, организация памятных, политических, культурных мероприятий. Как символический комплекс, выражающий национально-государственные интересы, может интерпретироваться памятник «Тысячелетие России» (1862 г., Великий Новгород). Фундаментальные ценности России XIX в. (народность, самодержавие, православие) выражены в образе державы и большого колокола. В нижней части колокола – символ народа (фигуры людей разных сословий). В средней части – шесть скульптурных групп, передающие события российской истории на фоне шара-державы. Вместе с государственными деятелями изображены великие деятели культуры и церкви. В верхней части – крест с образом Ангела и коленопреклоненной женщиной. Интерпретация комплекса показывает соединение жизнеспферных знаков и системных символов-добродетелей, судить о направлениях институционализации и легитимации национально-государственных интересов. Так передана идея преемственности истории России. Он сохранялся и при Советской власти; был разрушен немецко-фашистскими оккупантами, но ещё до окончания Великой Отечественной войны его восстановили.

Диалектика «внешних» и «внутренних» аспектов в символике национальных интересов

В символике отражается диалектика «внутренних» и «внешних» идейно-политических факторов. «Внешние» факторы играли нередко определяющую роль в становлении национально-государственных интересов. Ф. Бродель пишет: «Современное государство зарождалось из потребностей войны: артиллерия, военный флот, растущая численность сухопутной армии требовали всё новых средств на их содержание. Можно сказать, что современное государственное устройство было создано войной, этой «матерью всего». <...> Каждое государство хотело быть исключительным, бесконтрольным, свободным: *государственный интерес стал основным побудительным мотивом действия*². Необходимым элементом конструирования идентичности в политическом дискурсе является внешняя составляющая, реализующаяся через логику эквивалентностей³.

¹ Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры. Автореф. дисс. ...доктора культурологии. М., 2008.

² Бродель Ф. Грамматика цивилизаций, С. 319.

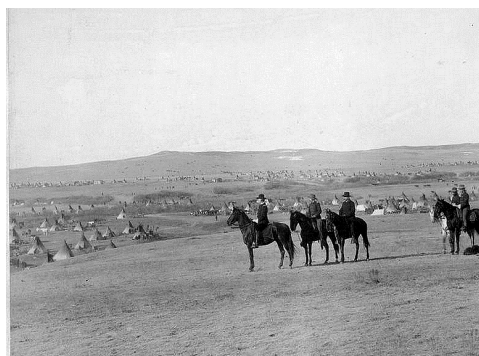
³ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 67.

Не только развитие капитализма, но и борьба за освобождение в Нидерландах, британских колониях Северной Америки, войны Наполеона, распространяющие антиклерикальные и антифеодальные идеи Великой Французской революции¹, несмотря на Реставрацию и Священный союз, усилили движение к формированию национальных государств². На пути к нации-государству французы не только уничтожили 14 июля 1789 г. монархический символ Бастилии (с 1880 г. национальный праздник республики), но и защищали эти идеи от внешних врагов, и несли их «на штыках» в Испанию, Германию, Италию, Россию. Строительство колониальных империй сопровождалось формированием новых монархических символьных комплексов, их распространением в подопечные духовные миры с противопоставлением символам других народов. В Англии наряду с символом королевской династии требовалось возвеличивать морской флот (патриотическая песня «Правь Британия морями!» – 1740 г.).

Повышалось значение «больших нарративов» и национальной юрисдикции в идейно-политическом освоении территорий. Национальная самостоятельность и коллективное самоутверждение народов в отношениях с чужими нациями может быть понято как коллективистский вид свободы («национальной свободы»)³.

Значение «внешних» и «внутренних» факторов было разным. Одни государства утверждали национальные интересы в основном через внешнюю политику: военные союзы (Австрия, Англия, Франция, Россия, Пруссия), освоение новых территорий (Испания, Португалия, Англия, Россия, США). Поражение во франко-прусской войне, аннексия Эльзаса и Лотарингии способствовали во Франции анализу национальной идеи и доктрины нации⁴. В Италии национальные интересы полнее всего выражались в освобождении страны, её объединении.

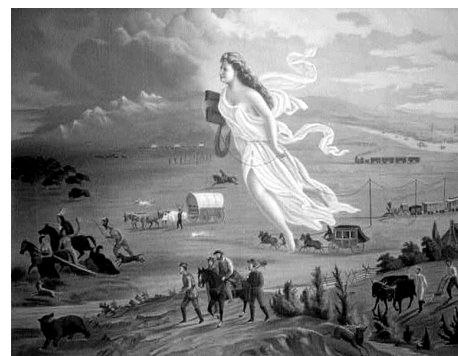
В США немалую роль в институционализации и легитимации национальных интересов сыграл символ границы (фронтир), сопровождавший освоение новых земель и экспансию на соседние государства. Это имело политико-правовое оправдание. При становлении США обострялись внутренние противоречия между демократией, оживлявшей конфликт «большинство – меньшинство», и единством нации. Символьные комплексы расширяющейся территории помогали разрешать противоречия⁴.

Американский фронтир: Генерал Майлс и его штаб обозревают лагерь индейцев-типи. Фото 1891 г

Американский фронтир: поселенцы на Диком Западе. Гравюра второй половины XIX в.

Ангел Прогресса (Колумбия, женский символ Америки) над движущимися на Запад переселенцами на картине Дж. Гаста «Американский прогресс» (1872)

В России доминировал «внешний» фактор (оборона от внешних врагов, освободительные войны, присоединение территорий). Справедливые войны сплачивали народ, становились символом национального освобождения, в том числе и некоторые внешние войны (на Балканах ещё чтят памятники российским воинам). Но доминанта «внешнего» фактора оборачивалась и политическими кризисами (революциями). Кавказские войны оставили памятники полководцам, долго воспринимающимся негативно местным населением. Обширность территорий, богатых ресурсами, стимулировала зависть соседей. Русско-японская война способствовала началу революции 1905–1907 гг. Участие в Первой мировой вылилось для России в революции и гражданскую войну.

Позднее для СССР войны с Японией, Финляндией, немецко-фашистской Германией и опять Японией стали тяжёлым испытанием. Тем не менее, в СССР формировались символьные комплексы, удачно соединяющие национально-государственные интересы и аспекты внешней безопасности. Строительство промышленных гигантов сопровождалось последовательным символотворчеством (Магнитогорск, Кузбасс, Турксиб, Автоваз и др.), включающим аспект внешней безопасности. Освоение космоса порождало комплекс, основанный на соединении мирного и ратного труда, поддерживавший гордость за СССР. Первый космонавт, оставаясь в глазах многих провинциальным парнем, стал символом побед СССР в научно-производственном и военном соревновании с США и даже международным символом (памятник в Лондоне). Незабываемые символьные комплексы, выигрышные для имиджа СССР, создавались на Олимпиаде в Москве 1980 г.

Эти достижения воспринимались как выражения успехов простых тружеников на заводах, фабриках, в лабораториях, всего народа в целом. А обобщённым символом этих успехов выступали знаки серпа и молота (государственный герб и флаг СССР, монумент «Рабочий и колхозница» и т.п.). Труд, международная солидарность трудящихся (пролетарский интернационализм), борьба за мир, а также право на труд, другие социальные права возносились как главные государственные и универсальные ценности. В «холодной войне» символы национально-государственных интересов СССР тесно связывались с «внешней» национальной безопасностью как сердце-

¹ См.: Kupchan Ch.A. No One's World. The West, the Rising Rest and the Coming Global Turn. Oxford: Oxford Univiv Press. 2012. P. 36.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: 1995. С. 215.

³ Schnapper D. La France de l'integration: sociologie de la nation en 1990. P., 1991. С. 33

⁴ Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США. Американский ежегодник. М.: Наука, 1992. С. 136–151.

виной идеологии мирного сосуществования и движения за мир. Соответственно поддерживались символы мирного труда, науки, культуры, стремления к улучшению материальной и возвышению духовной жизни.

Глобализация способствовала расхождению «внешнего» и «внутреннего» аспектов национально-государственных интересов. Реконструировались символы государственного суверенитета, появились зачатки космополитического права, ставящего универсальные символы прав человека, прав народов, открытости выше, чем суверенитет государств. Серьёзным шагом к усилению влияния универсалий стали итоги Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки 1975 г.) и других встреч на уровне СБСЕ – ОБСЕ. Активизировались правозащитники в социалистических странах, например, Хельсинкские группы.

Но до начала «перестройки» (1985 г.) национальные интересы и безопасность для большинства населения в СССР ещё соотносились достаточно чётко с символами мирного сосуществования и «образом врага» («империализма США» и НАТО). Символы мирного созидания (в частности, памятники «Перекуем мечи на орала», «Рабочий и колхозница», «Покорителям космоса», «Мирный атом») продолжали органично сочетаться с символами «внешней» безопасности («ядерное оружие», «ракеты», Берлинская стена, парады на Красной площади).

Перекуем мечи на орала. Скульптор Е. Вучетич, 1959, Москва

Рабочий и колхозница. Скульптор В. Мухомов, 1937, Москва

Покорителям космоса. Скульптор А. Файдыш-Крандиевский, 1964, Москва

Мирный атом. Скульптор Ю.В. Александров, 1981, Волгоград

Военный парад на Красной площади в честь 40-летия Победы. 1985

В «перестройку» многое меняется. Символы «нового мышления» в СССР затмевают символы «холодной войны»¹. «Новое мышление» делало упор на универсальные (общечеловеческие) ценности демократии и прав человека. Появилось заметное расхождение символов национально-государственных интересов, «внешней» безопасности, территориальной целостности. Это отразилось в содержании поправок в Конституцию СССР, Конституции союзных республик. По мнению Дж. и Дорис Нейсбит, сравнивших Дэн Сяопина и М.С. Горбачёва, первый показал общий символический контекст («практика – критерий истины»), «интеллектуалы вливаются в ряды пролетариата», «критика должна способствовать социальной сплочённости», «социализм – это хорошо для всех»). М. Горбачёв же политической модернизацией «сверху» разобщил и элиту, и общество². Значительную роль в таком разобщении сыграл Б.Н. Ельцин, разрушавший баланс символов реформ и национальной безопасности³.

М.С. Горбачёв и Р. Рейган подписывают Договор о ликвидации ядерных ракет средней дальности. 1987

Усилился плюрализм профессиональных, региональных, этнонациональных интересов, вступивших в конфликт с формированием общей воли в Конституции. В проекте Конституции России 1991 г. упоминались «государственные интересы», но внимание акцентировалось уже на внутренней безопасности (безопасности граждан, человека, общества и государства, защите конституционного строя). Западные институты заимствовались, но не реально, а как метафоры, т.к. для заимствования не было необходимых условий⁴; параллельно разрушалась система национальной

¹ В докладе на XIX конференции КПСС (1988) говорилось, что угрозу ядерной войны удалось отодвинуть благодаря новому политическому мышлению, сердцевиной которого является приоритет общечеловеческих ценностей в наш век (XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня - 1 июля 1988 года. Стенографический отчёт. В двух томах. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. С. 41–43). В беседе с американскими коллегами Г.А. Арбатов, один из конструкторов «перестроечной» внешней политики СССР, характеризовал новое мышление так: «Мы лишим вас врага».

² Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. М.: Астрель, 2012. С. 99–100.

³ В том, что на встрече 16–17 июля 1991 г. Дж. Буш-старший, несмотря на возражение М. Тэтчер, призвал страны «семерки» не поддерживать СССР, сказалось влияние группы Гейтса – Чейни, делавшей ставку на Б.Н. Ельцина и разрушение СССР. Б.Н. Ельцин в американском конгрессе 30 января 1992 г. заявил, что это он принёс американской элите победу (См.: Кувалдин В.Б., Бессмертных А.А., Рогов С.М. Выступления на презентации книги «Отвечая на вызов времени: внешняя политика перестройки» // Горбачёвские чтения. М.: Горбачёв-Фонд, 2011. С. 31, 41, 43).

⁴ Права и свободы человека, демократия, выборы и т.п. институты в России воспринимались как символы, вписанные в универсальные мировые тренды. Г. Блюменберг представляет такое восприятие как следование «абсолютной метафоре» (Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1998. S. 11).

безопасности России. Крушение Берлинской стены, согласие на быстрый вывод войск из Восточной Европы, уничтожение ракет и бомбардировщиков под диктовку США, дискредитация КГБ и армии – всё это развенчивало символы «внешней» безопасности, разотождествляло их с внутренней политикой и национально-государственными интересами СССР. Этому способствовал асимметричный характер сотрудничества СССР и США¹.

Руководство России, в том числе под влиянием западных экспертов, эклектично соединяло символы национальных интересов с правами человека, демократией и открытостью². Отражением таких изменений стало содержание части 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г., ряд резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и Совета безопасности, ОБСЕ и Совета Европы в 1990-е–2000-е гг. Так в резолюции комитета по демократии ПАСЕ «Воссоединение разделённой Европы» (2009 г.) уравнила сталинизм и нацизм и потребовала отказа от демонстрации всего, что связано с этим. Понятно, что в России под такое ограничение могут попадать многие символичные комплексы, сохраняющие память о победе в Великой Отечественной войне, индустриализации и других достижениях советского прошлого.

К балансу универсальных и отечественных символов в политике

В конце 1990-х правительство Е.М. Примакова начало восстанавливать символы самостоятельной России, сдерживающей гегемонию США. К таким символам отнесём такие события как разворот над Атлантикой направлявшегося в США самолёта с правительственной делегацией России (в знак протеста против натовских бомбардировок СФРЮ), подготовка поездки правительственной делегации во главе с А. Маслюковым в Малайзию, отказавшуюся ранее от плана МВФ и добившуюся экономических успехов. Испытав удары сепаратизма, государство активизировало демонстрацию связи национальных интересов, национальной безопасности и территориальной целостности. В борьбе с сепаратизмом укреплялся образ «единой» державы. Возобновлялись военные парады на Красной площади и военные учения, готовился поход военных кораблей в Латинскую Америку, проводилась акция «Гвардейская ленточка», введено звание «Город воинской славы». Знаковой стала речь В.В. Путина в Мюнхене 10 февраля 2007 г., где он жестко обозначил национальные интересы России как самостоятельного субъекта международных отношений.

В конце 1990-х гг. не были ещё утверждены даже государственные символы (флаг, герб, гимн), что свидетельствовало о глубине кризиса позитивных символов в целом, разрыве прежних символических комплексов. Относительной удачной стала комбинация государственных символов в начале 2000-х гг., когда в символическом комплексе соединились имперские, советские и постсоветские символы. В 2000 г. была принята «Национальная доктрина образования». Государство брало на себя обязанность воспитывать молодое поколение в духе высокой нравственности, патриотизма, гражданской ответственности, правового самосознания и духовности³. Разрабатывались и утверждались Концепция и Государственные программы патриотического воспитания граждан России (2001–2005, 2006–2010, 2011–2015 гг.). Соответственно, принимались Программы мероприятий популяризации государственных символов России, где подчеркивалось их значение в формировании общей системы нравственных ориентиров, идеологии и духовного единства народов России, самобытных культурных ценностей⁴. При содействии Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям был создан специальный сайт «Государственная символика». В 2006 г. начат проект «Открытая цифровая коллекция «Государственные символы России». Проводились викторины и конкурсы библиотек, учебных заведений⁵.

Вообще геральдика призвана привести в порядок визуальный и нормативный «остов» государственных и муниципальных символических комплексов. Утверждение государственных символов России, официальных символов субъектов РФ и муниципальных образований знаменует обретение Россией определенного уровня, идеологического оформления государственности, преемственность историко-культурных традиций россиян⁶.

Одним из ресурсов легитимации и институционализации национальных интересов стало ностальгическое оживление некоторых советских символов, что отразило напряженность по отношению к универсальным (космополитическим) символам. Было сохранено в качестве действующего символа Знамя Победы, сохранена пятиконечная красная звезда на этом знамени. В то же время перед Геральдическим советом при Президенте РФ была поставлена задача разработать образец Боевого знамени воинских частей. Был принят Указ Президента РФ «О боевом знамени воинской части» от 18.12.2006 г. В целях консолидации российского общества был отменён праздник 7 Ноября, а в качестве альтернативы введён День народного единства россиян – 4 ноября, посвящённый памяти народного ополчения, освободившего Москву от иноземных захватчиков в 1613 г. Историки провели линию символической преемственности к ополчениям 1812 г. и 1941 г.⁷

Оценивая этот период, можно констатировать, что Россия дождалась проявления политической воли лидера, непосредственно не связанного в памяти людей с неудачными реформами 1990-х гг. Это помогло в 2000-х гг. сбалансировать влияние универсальных (космополитических) и национально-государственных символов. С 2004 г.

¹ Как отмечал М. Рожански, работавший в двухсторонней комиссии Шульца-Шеварднадзе, возникала асимметричность в работе: «американцы давали советы относительно реформ, а россияне эти реформы проводили» (Рожански М. Незаменимые институты. Комиссия Обамы – Медведева и 50 лет американо-российского диалога / Пер. с англ. М., 2010. С. 30).

² В работе комиссии Гор – Черномырдин США рассматривали любые инвестиции в Россию через политическую призму (переход от однопартийности к многопартийности, плановой экономики к рынку), а не с точки зрения реальной полезности проектов (Рожански М. Указ. соч. С. 42).

³ Национальная доктрина образования // Официальные документы в образовании. 2001. № 9.

⁴ См.: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 11.07.2005. № 422. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.molodezh67.ru/2010-06-10-09-36-37/-/2020/175>

⁵ См.: План действий по реализации программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г. Утвержден приказом Минобрнауки от 27.04. 2005. № 129. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-pravo/i6b.htm>

⁶ Туник Г.А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: историко-политологический анализ. Автореф. дис... д. полит. наук. М., 2008. С. 3.

⁷ Телицын В. Преодоление смуты. Герои и символы нового праздника // Российская газета. 2005. 21 октября.

Вход в торговый центр «Европейский» (архитектор Ю.П. Платонов, Москва, 2006)

Московский международный деловой центр «Москва-Сити», строящийся деловой район в Москве на Пресненской набережной (архитектор Б.И. Тхор, 1992)

Д.А. Медведев встретился с инноваторами и студентами Сколково. Фото с сайта <http://www.skolkovo.ru/public/ru/press/news/item/2093-2011-10-29-123/>

Празднование 70-летия победы в Сталинградской битве. Фото с сайта http://www.agregator.pro/rossiya_otmechaet_70-ju_godovschinu_pobedy_v_stal.1300621.html

(второй срок президентства) начинает выстраиваться ряд ценностей консолидирующего характера. Эти ценности отмечены Президентом РФ в качестве такого же важного фактора развития государства, как политическая и экономическая стабильность¹. Политический дискурс о фундаментальных ценностях стал приобретать устойчивость и концептуальность.

В свою очередь, во время президентства А.Д. Медведева, продолжалось проведение парадов Победы на Красной площади, присвоение званий «Город воинской славы». Было принято нелегкое решение в ответ на агрессию Грузии против Южной Осетии. Стимулировалось переключение внимания с советских (ностальгических) символов на другие, способные стать новыми символами, что заметно в риторике обращения «Россия, вперед!», Послания Президента РФ Федеральному Собранию 2010 г. Демонстрировались прогрессизм, связь национальных интересов с формированием постсоветской системы символов – экономической, технологической, культурной модернизации, с большей открытостью западным ценностям. К этому направлению можно отнести переименование милиции в полицию, формирование Сколково, визит губернатора Калифорнии А. Шварценеггера со специалистами из Кремниевой долины, посещение Президентом РФ лаборатории Касперского, встречи его с актёрами Комедия-клуб, обсуждение с блогерами авторских прав и хакерской атаки на «Живой журнал».

Обозначилось некоторое расхождение символов национальных интересов и внешней безопасности, что проявилось, в частности, в поддержке неоднозначно принимаемых в обществе реформ Вооружённых сил России. Лояльнее стала политика по отношению к США, НАТО, ЕС, например, позиция в отношении некоторых решений, облегчающих проведение «гуманитарной интервенции» НАТО в Ливии (это резко контрастировало с высказываниями В.В. Путина против вмешательства НАТО во внутренние ливийские дела). В армии проявлялось сопротивление некоторым реформаторским мероприятиям министра А. Сердюкова. Например, получившему сильное пиар-сопровождение введение новой формы для военнослужащих, не прошедшей должную проверку (форма получила название «от Юдашкина»). Или разрушению уникальных структур службы Спецстроя, Северного флота. Но этим сигналам не была дана должная оценка.

С возвращением В.В. Путина в Кремль в марте 2012 г. меняется знаковая тональность политики, становится более жёсткой демонстрация связи символов национально-государственных интересов и внешней безопасности. Проводится последовательная политика относительно ситуации Сирии. Ряд мер, в том числе посылка боевых кораблей в Средиземное море, способствовал определённому времени частичному сдерживанию США и НАТО, по крайней мере, прямой поддержки вооружённой оппозиции. Это влияло и на политику Турции, символизировало последовательность в поддержке союзника, вносило вклад в предотвращение дальнейшего обострения отношений государств на Ближнем и Среднем Востоке. Внутри страны проведена смена руководства Минобороны. Более строгим стал подход к получению НКО перечислений из иностранных банков.

Вполне оправданное оживление ностальгических символов наблюдалось в связи с празднованием годовщины прорыва блокады Ленинграда, юбилея победы в Сталинградской битве. Хабаровску, имя которого особенно отмечено за вклад в победу над Японией, в 2013 г. было присвоено звание «Город воинской славы». Демонстрировался курс на преемственность истории России. Выдвинуты инициативы по подготовке единого учебника истории России с усилением патриотической компонента. В.В. Путин присутствовал на праздничном концерте, посвящённом Дню защитников Отечества (22.02.2013), где специальные композиции характеризовали преемственность воинских традиций Руси – империи России – СССР – со-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2007. 27 апреля

Концерт по случаю Дня защитника Отечества (Москва, 2013). Фото с официального сайта Президента России <http://www.kremlin.ru/news/17569>

День народного единства в Нижнем Новгороде. 2012. Фото с сайта <http://www.nne.ru/gallery.php?pr=1192>

временной России. С особым размахом праздновалось в 2012 г. День народного единства россиян в Нижнем Новгороде, Москве, ряде других городов.

В целом опыт России подтверждает неослабевающее значение баланса универсальных и отечественных символов, «внешних» и «внутренних» аспектов символики национальных интересов. О.А. Кармадонов обоснованно призывает к разработке проблем социокультурной безопасности социума, введению понятий «символическая вооруженность», «символическое оснащение»: «Для того чтобы общество выступало... не пассивным реципиентом социокультурной глобализации, необходимо, чтобы в нём были осознаны и четко артикулированы собственные приоритеты и интересы в данной сфере... необходимо, чтобы собственные символические комплексы были хорошо структурированы, в полной мере институционализированы и, в известном смысле, достаточно агрессивны»¹.

Речь идёт о формировании хотя и гибкой, но целостной символической политики институционализации и легитимации национальных интересов России. Чтобы партикулярные статусные знаки были связаны с жизнесферными знаками и ценностями, институтами символотворчества, символами-добродетелями, национальными и государственными символами, необходимо показать значение этой связи, соотнести национальные символы с универсальными. Государственной и муниципальной властям (Президенту РФ, в первую очередь), предстоит сказать веское слово в ряде знаковых процессов современности. Укрепление Вооружённых сил, самостоятельная внешняя политика России должны сочетаться с символами последовательного противодействия коррупции и преступности в целом. Необходимо обозначить более жесткую позицию в отношении символов универсализму, за которые выдаются унилатерализм США и глобализм НАТО.

Исходя из вышеизложенного, адекватную цель символической политики России при институционализации и легитимации национальных интересов можно определить как формирование символических комплексов, способствующих целостности государства и позитивному развитию общества. Для чего поддерживается развитие жизненных сфер, символов-добродетелей, институтов символотворчества, связывающие знаки жизненных сфер с национальной идеей, государственными символами. При этом необходимо учитывать идентификационную дистанцию при взаимодействии универсальных и отечественных символов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2007. 27 апр. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii. (2007). Rossiiskaya gazeta. 27 apr.
2. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 11.07.2005. № 422. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.molodezh67.ru/2010-06-10-09-36-37/-2020/175>
Gosudarstvennaya programma «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiiskoi Federatsii na 2006–2010 gody». Utverzhdena Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 11.07.2005. N 422. URL: <http://www.molodezh67.ru/2010-06-10-09-36-37/-2020/175>
3. Национальная доктрина образования // Официальные документы в образовании. 2001. № 9. Natsional'naya doktrina obrazovaniya. In: Ofitsial'nye dokumenty v obrazovanii. 2001. N 9.
4. План действий по реализации программы мероприятий по популяризации государственных символов России до 2010 г. Утвержден приказом Минобрнауки от 27.04. 2005. № 129.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-pravo/i6b.htm>
Plan deistvii po realizatsii programmy meropriyatii po populyarizatsii gosudarstvennykh simvolov Rossii do 2010 g. Utverzhen prikazom Minobrnauki ot 27.04. 2005. N 129.URL: <http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/ot-pravo/i6b.htm>
5. О деятельности музеев образовательных учреждений. Письмо Министерства образования Российской Федерации от 12 марта 2003 г. № 28-51-181/16. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.school-museum.volgadmin.ru/05/01-02.doc>.
O deyatel'nosti muzeev obrazovatel'nykh uchrezhdenii. Pis'mo Ministerstva obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii ot 12 marta 2003 g. N 28-51-181/16.URL: <http://www.school-museum.volgadmin.ru/05/01-02.doc>.
6. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. Стенографический отчет. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. 352 с.
XIX Vsesoyuznaya konferentsiya Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuz. (1988). 28 iyunya – 1 iyulya 1988 goda. Stenograficheskii otchet. V 2 t. T. 1. Politizdat, Moskva. 352 p.

¹ Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–30.

7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Плюс, 2001. 286 с.
Anderson B. (2001). Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma. Kanon-Plyus, Moskva. 286 p.
8. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2008. 552 с.
Brodell' F. (2008). Grammatika tsivilizatsii. Ves' mir, Moskva. 552 p.
9. Бродель Ф. Материальная организация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. 632 с.
Brodell' F. (1988). Material'naya organizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 2. Iгры obmena. Progress, Moskva. 632 p.
10. Говорухин Г.Э. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ). Автореф. дисс. ...доктора социологических наук. Хабаровск, 2009. 48 с.
Govorukhin G.E. (2009). Simvolicheskoe konstruirovaniye sotsial'nogo prostranstva osvivaemogo regiona (sotsiologicheskii analiz). Avtoref. diss. ...doktora sotsiologicheskikh nauk. Khabarovsk. 48 p.
11. Егорова Н.И. Изоляционизм и европейская политика США в 1930-е годы: кризис традиционализма // Новый взгляд на историю США. Американский ежегодник. М., 1992. С. 152–174.
Egorova N.I. (1992). Izolyatsionizm i evropeiskaya politika SShA v 1930-e gody: krizis traditsionalizma. Novyi vzglyad na istoriyu SShA. Amerikanskii ezhegodnik. Moskva. Pp. 152–174.
12. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
Zhizhek S. (1999). Vozvyshenniy ob"ekt ideologii. Khudozhestvennyi zhurnal, Moskva. 236 p.
13. Ильин В.В. Теория познания. Символология. Теория символических форм. М.: МГУ, 2013. 384 с.
Il'in V.V. (2013). Teoriya poznaniya. Simvolologiya. Teoriya simvolicheskikh form. MGU, Moskva. 384 p.
14. Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблема «переводимости» политического сознания // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 79–87.
Il'in M.V. (1997). Umnazhenie ideologii, ili Problema «perevodimosti» politicheskogo soznaniya. POLIS. N 4. Pp. 79–87.
15. Каневский П.С. ...Для порядков и правления государства (комментарий к политическому завещанию кардинала герцога де Ришелье) // Пространство и Время. 2012. № 4(10). С. 213–219.
Kanevskii P.S. (2012). ...Dlya poryadkov i pravleniya gosudarstva (kommentarii k politicheskomu zaveshchaniyu kardinala gertsoga de Rishel'e). Prostranstvo i Vremya. N 4(10). Pp. 213–219.
16. Капустина З.Я. Гражданственность как ценность российской культуры. Автореф. дисс. ...доктора культурологии. М., 2008. 51 с.
Kapustina Z.Ya. (2008). Grazhdanstvennost' kak tsennost' rossiiskoi kul'tury. Avtoref. diss. ...doktora kul'turologii. Moskva. 51 p.
17. Кармадонов О.А. Эффект отсутствия: культурно-цивилизационная специфика // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 29–41.
Karmadonov O.A. (2008). Effekt otsutstviya: kul'turno-tsivilizatsionnaya spetsifika. Voprosy filosofii. N 2. Pp. 29–41.
18. Кувалдин В.Б., Бессмертных А.А., Рогов С.М. Выступления на презентации книги «Отвечая на вызов времени: внешняя политика перестройки» // Горбачёвские чтения. М.: Горбачёв-Фонд, 2011. 168 с.
Kuvadin V.B., Bessmertnykh A.A., Rogov S.M. (2011). Vystupleniya na prezentatsii knigi «Otvchaya na vyzov vremeni: vneshnyaya politika perestroiki». In: Gorbachevskie chteniya. Gorbachev-Fond, Moskva. 168 p.
19. Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США. Американский ежегодник. М., 1992. С. 136–151.
Kushner G. (1992). Postoyanstvo «idei granitsy» v amerikanskoi mysli. In: Novyi vzglyad na istoriyu SShA. Amerikanskii ezhegodnik. Moskva. Pp. 136–151.
20. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
Lukach D. (1991). K ontologii obshchestvennogo bytiya. Prolegomeny. Progress, Moskva. 412 p.
21. Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. М.: Астрель, 2012. 320 с.
Neisbit Dzh., Neisbit D. (2012). Kitaiskie megatrendy. Astrel', Moskva. 320 p.
22. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб: Александрия, 2012. 448 с.
Pasturo M. (2012). Simvolicheskaya istoriya evropeiskogo srednevekov'ya. Aleksandriya, S.-Peterburg. 448 p.
23. Рожански М. Незаменимые институты. Комиссия Обамы – Медведева и 50 лет американо-российского диалога / Пер. с англ. М., 2010. 150 с.
Rozhanski M. (2010). Nezamenimye instituty. Komissiya Obamy – Medvedeva i 50 let amerikano-rossiiskogo dialoga. Per. s angl. Moskva. 150 p.
24. Розов Н.С. Специфика «русской власти», её ментальные структуры, ритуальные практики и институты // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 29–41.
Rozov N.S. (2011). Spetsifika «russkoi vlasti», ee mental'nye struktury, ritual'nye praktiki i instituty. POLIS. N 1. Pp. 29–41.
25. Телицын В. Преодоление смуты. Герои и символы нового праздника // Российская газета. 2005. 21 октября.
Telitsyn V. (2005). Preodolenie smuty. Geroi i simvolyy novogo prazdnika. Rossiiskaya gazeta. 21 oktyabrya.
26. Туник Г.А. Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: историко-политологический анализ. Автореф. дисс. ...доктора политических наук. М., 2008. 48 с.
Tunik G.A. (2008). Sovremennaya rossiiskaya geraldika kak faktor otrazheniya spetsifiki rossiiskogo gosudarstva: istoriko-politologicheskii analiz. Avtoref. diss. ... doktora politicheskikh nauk. Moskva. 48 p.
27. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 246 с.
Khabermas Yu. (1995). Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie leksii i interv'yu. Academia, Moskva. 246 p.
28. Blumenberg H. (1998). Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp. 198 p.
29. Kupchan Ch. A. (2012). No One's World. The West, the Rising Rest and the Coming Global Turn. Oxford: Oxford University Press. 272 p.
30. Laclau E., Mouffe C. (1998). Hegemonie und Radikale Demokratie. Zur Dekonstruktion des Marxismus. Wien: Passagen Verlag, 1998. 242 p.
31. Schnapper D. (1991). La France de l'integration: sociologie de la nation en 1990. Paris: Gallimard. 374 p.